

АЛЕКСАНДР КЛЕВИЦКИЙ:

Киев-Гуря. — 2007. — 1-7 февр. — с. 16.

В Союзе композиторов у меня была должность Воланда

Александр КЛЕВИЦКИЙ — композитор, имя которого говорит любителям современной песенной эстрады о многом. Его сочинения исполняли Иосиф Кобзон и Зураб Сотклиава, Тамара Гвердцители и Анна Вески. Клевицкий плодотворно сотрудничает с кино, сочиняя новые мелодии и аранжируя те, что уже отлично знакомы слушателям. А детский юмористический киножурнал «Ералаш» Бориса Грачевского сегодня просто невозможно представить без мелодий Клевицкого. Пробежав глазами эти строки, постоянные читатели удивятся выбору собеседника: действительно, наша газета нечасто обращается к мастерам эстрадно-развлекательных жанров, но Александр Клевицкий — еще и автор рок-опер, мюзиклов (среди них — «Джельсомино в стране лжецов» по Джанни Родари и возникший под впечатлением строк поэта Ренессанса Себастьяна Брандта «Корабль дураков»). Он удивительным образом сочетает работу в легком развлекательном жанре (впрочем, не такой уж он и легкий!) с сочинением серьезной музыки.

— Ровно через неделю, 8 февраля, в Концертном зале имени Чайковского состоится ваш творческий вечер. Судя по программе, вы не включили в нее своих шлягеров. Решили познакомить публику с произведениями, написанными в академическом и джазовом стилях?

— Я всегда работал в разных жанрах. Несколько лет назад мой юбилейный вечер в Концертном зале «Россия» был целиком посвящен эстраде. Собственно, тот зал, ныне уже не существующий, само собой предполагал эстрадную направленность. А в этот раз хочу показать сочинения, написанные в академическом жанре. И это для меня очень ответственно — первый концерт, где представлю серьезную музыку. В первом отделении вечера, всего их будет два, прозвучит гимн «ТЭФИ». Партитура музыки для Национальной телевизионной премии написана в крупной четырехчастной форме, близкой к традиционному финалу оперы. Гимн исполнит капелла мальчиков, смешанный хор и, конечно, симфонический оркестр.

— А какой оркестр?

— Не так давно меня пригласили работать руководителем-дирижером спецпроектов в Государственный музыкальный центр телевидения и радиовещания. В центре сосредоточено несколько известных коллективов. В том числе два симфонических оркестра, один из них (им руководит Мурад Кажлаев) называется Большим академическим концертным оркестром и носит имя Юрия Силантьева. Он-то и будет участвовать в концерте.

— Вы сами встанете за пульт?

— Сам дирижировать не буду, хотя по образованию я дирижер. Мне хочется послушать свою музыку со стороны, а выбор маэстро пал на замечательного музыканта, дирижера Петра Саула, который — и это честь для меня — принял приглашение участвовать в концерте. Прозвучат несколько хороших сочинений. Одна из премьер, думаю, для многих станет неожиданностью. Несколько лет назад судьба свела меня с замечательным человеком Евгением Максимовичем Примаковым. Да-да, тем самым политиком, который в недалеком прошлом возглавлял наш правительство. Евгений Максимович подарил мне свою книгу, и одно из его стихотворений побудило меня написать хоревую музыку. Сочинение исполнит отличный коллектив «Хоровые мастера» под управлением Льва Конторовича. Также впервые прозвучит отрывок из балета.

— Вы увлеклись еще и балетной музыкой?

— Балет — моя давняя мечта. Когда писал мюзиклы и рок-оперы, заранее имел сценарный материал, а вот балет сочиняю «самостоятельно», без хореографа и либретто. Быть может, кого-то из балетмейстеров музыка вдохновит, и мы вместе продолжим работу? Показывал фрагменты нескольких мюзиклам и людям, связанным с балетом, в том числе замечательному танцовщику и хореографу Михаилу Лавровскому. Они, к счастью, поддержали мой порыв.

— Сюжет-то какой?

— Вдохновляют образы «Шагреневой кожи». Темы рока, судьбы, расплаты и... мистика, востребованная и даже модная сегодня.

— Не опасаетесь, что слушателям, а тем более критикам, будет трудно отрешиться от вашего «ералашного» и песенного творчества?

— Конечно, критики могут сказать: ну что с него взять, если он пишет для «Ералаша»? Хотя ни от одной мелодии, написанной для этого киножурнала, не отрекись, да и вообще не чужаюсь никакой работы. Параллельно с музыкой, которую мне заказывали, всегда писал серьезную, что называется — для себя, для души. Безо всяких предоплат и договоров. Делал это потому, что мне это было необходимо. Так что как музыкант я был честен, прежде всего — перед самим собой. Теперь решил вынести написанное на суд зрителей. Может быть, меня обругают, а вдруг — нет?

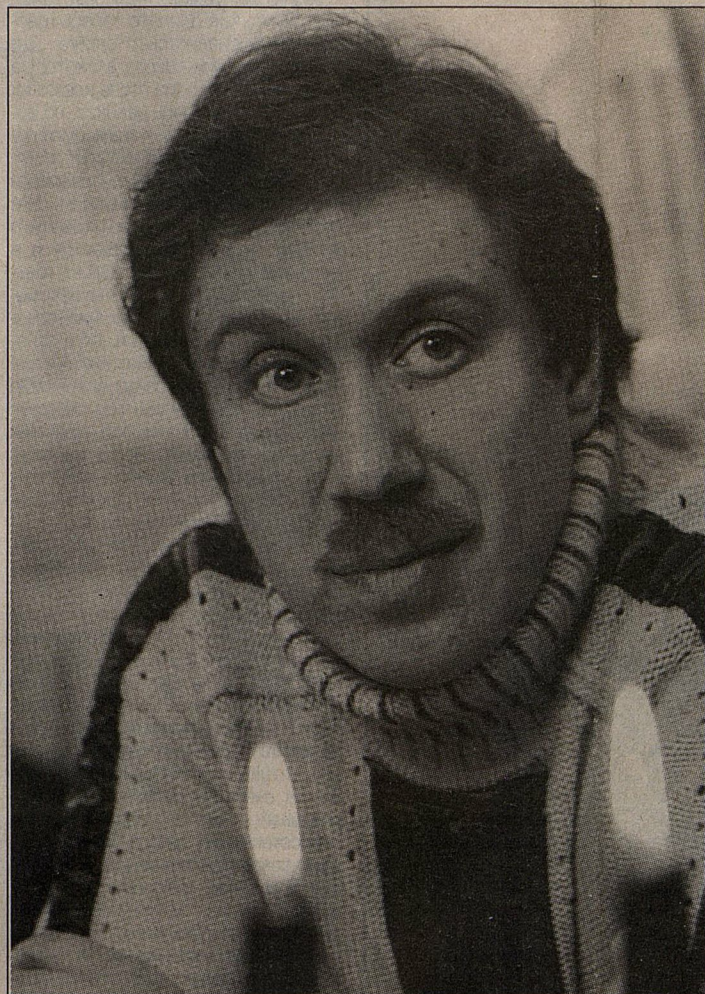
— Согласны ли вы с часто высказываемой сегодня точкой зрения о том, что ничего нового уже не сочинить, что вся музыка уже написана...

— Да-да, и все балеты уже поставлены, литературные фабулы исчерпаны, а искусство остановилось... Конечно, это не так. Появляются новые течения (например, кроссовер), которые сочиняются в рамках уже написанного. Примерно то же самое было и в 80-е годы, тогда это называлось третьим направлением. А еще раньше Эндрю Ллойд-Уэббер делал микст из музыки академических и популярных жанров. Все это были попытки объединения различных направлений. Если хотят поругать, то припекают словом «электроника», а если одобряют, то это — полистилистика.

Когда возникают споры между музыкантами и теоретиками о том, что все уже сказано, я привожу железный пример из области классики. Петр Ильич Чайковский, на мой взгляд, ничего нового не изобрел, сочинял в рамках того, что было уже создано, но писал гениальную музыку. Прошло более века, а он остается самым исполняемым композитором в мире. Просто нужно писать так, как подсказывает сердце, к чему лежит душа. Простите за пафос. Но если пишешь музыку и заодно сразу же ее анализируешь, то получается музыка вычисленная и вымороженная — «из-под пальцев». А музыка должна рождаться душевным порывом и выражать индивидуальность. Жанр в данном случае значения не имеет. Существует хорошая музыка и плохая. Это — банальность, а точнее, аксиома.

— Вы много работали в сфере шоу-бизнеса. Можно ли вас назвать представителем шоу-мира?

— Дело в том, что шоу-бизнес для меня все-таки бизнес, и я всегда был в этом мире, что называется, чужим игроком. А если говорить о музыкальной эстраде, то за очень короткое время, начиная буквально с 90-х годов, она превратилась в примитив. Популярная музыка после изобретения компьютеров и компьютерных музыкальных программ не пишется, а делается. И торжествует принцип:



А. Клевицкий

«Конструктор, сделай песенку сам!» У меня есть популярные песни, которые пелись на рынках, в магазинах, переходах, что мне в свое время нравилось. Написал, понял, что я это могу, удовлетворил тщеславие и почувствовал, что скучно и тесновато. Академическое образование все равно тянуло к серьезной музыке. Почему-то среди попсовых музыкантов считается, что образование мешает быть свободным, не позволяет участвовать в хит-парадах и тем более — побеждать. Это абсолютно не так. Образование никогда еще никого не портит.

— Поговорим об эстраде. Вы сказали, что она дошла до примитива. Что вы имеете в виду?

— Раньше в нашей стране существовало замечательное явление — советская песня. Жаль, что этот уникальный жанр погиб. Это чувствуют все музыканты, особенно те, которые относятся к старшему и среднему поколениям. Советская песня всегда отличалась прекрасной мелодией. Какие чудесные песни писали Пахмутова, Саульскис, Крылатов, и я частенько считал себя их учеником!

Сегодня песню с оригинальной мелодией практически не встретишь. Не говоря уже о сопутствующей мелодии гармонии. Построение, структура нынешних произведений основаны на ритмах, подчас интересных и даже изысканных, но — без мелодического богатства. А ведь мелодия — это суть, душа песни. Ритмичная музыка должна быть — я не так давно был молод и знаю, как здорово под нее танцевать и прыгать. Но у этой музыки есть место законной прописки — клубы и дискотеки. Когда же все телевизионные каналы выбирают только музыку дискотек (вспомните недавние новогодние программы!), то возникает немало вопросов к вкусу тех людей, которые, собственно, этим занимаются.

— Как сложилась театральная жизнь ваших мюзиклов?

— Довольно успешно. Первый мой мюзикл «Джельсомино в стране лжецов» был написан еще в 1989 году и поставлен в Санкт-Петербурге Государственным музыкальным театром

«Рок-опера». В начале 90-х я создал свой театр, и режиссер Григорий Гурвич сочинил свою, московскую, версию. Гурвич был очень талантлив, как сказали бы сегодня — креативен. Он был не только режиссером, но и философом, литератором.

— Судьба вашего театра не состоялась?

— Он распался. Мы стартовали в Концертном зале «Россия», спектакли «Джельсомино» проходили с аншлагами. Это был антрепризный проект. Собирали артистов, основу составляли мои ученики из Гнесинского училища, играли серию спектаклей и на некоторое время расхлестались. А дальше — история типичная и банальная. У спонсора кончились деньги.

— Почему вы назвали свой театр «Московский мюзикл»?

— Реклама спустя несколько лет шумно объявляла перед каждой премьерой: «Мы — первые, кто показывает России мюзиклы. Раньше их не было». Но как же так? Утверждать это в стране, где появились «Болга-Болга», «Веселые ребята», неприлично. Разве это не потрясающие мюзиклы? Можно сказать, что это не театр. Хорошо. А «Орфей и Эвридика» Журинова? Так что не мы первыми изобрели российский мюзикл, просто хотели работать в этом жанре.

— Если бы я попросила представить работу, которая вам наиболее дорога, что бы вы назвали?

— Быть может, киномюзикл «Ангел с окурком» на либретто Юрия Ряшенцева и Галины Палиди. Режиссером был Евгений Гинзбург, а в главной роли — Ефим Шифрин, который разрушил все стереотипы своего амплуа. Оркестр играл живым звуком, не было никаких синтезаторов, а какие декорации! Когда я попал на съемочную площадку, сердце чуть не выскочило — оказался во дворе своего детства! Фильм получился немного элитарный, ностальгический, не из ряда шоу. Он вполне подходил под определение «неформат». Потому, к сожалению, жизнь «Ангела» оказалась не райской: канал «Культура» еще не было, ленту показали несколько раз по разным каналам, и все оборвалось...

— Не расскажете ли о своей рабо-

те в Российском авторском обществе?

— Более четверти века я являюсь членом Российского авторского общества, а последние шесть лет — председателем ревизионной комиссии. РАО — это уникальная организация, практически единственная в нашей стране, которая собирает авторские вознаграждения для создателей (авторов). У нас существует совет, в который входят знаменитые музыканты, поэты, драматурги, художники. Они отвечают за законотворчество и вопросы, связанные с авторским правом. Это отнимает время, но кто-то же должен этим заниматься! Я уже втянулся и, кажется, приобрел еще одну профессию. Мне часто звонят и друзья, и незнакомые люди из разных городов с просьбой проконсультировать их по авторскому праву.

— А какой самый распространенный вопрос?

— Один из самых болезненных — что делать, если исполняется произведение, но в титрах не указывается имя автора, ведь это, как правило, означает, что он лишается гонорара. Сейчас появилось немало издательств, и ими руководят ребята-капиталисты, предлагающие самые разные формы сотрудничества. Вот авторы и консультируются: каковы же их права.

— Известно, что вы занимаетесь еще и вопросами деловой этики и предпринимательства в сфере культуры.

— Есть такая структура, как Торгово-промышленная палата, которая состоит из разных комитетов. Один из них — Комитет по деловой этике и предпринимательству. Недавно меня избрали председателем нового образования — подкомитета по предпринимательству в сфере культуры. Сегодня в любом «культурном деле» существуют предприниматели, и не только в сценических искусствах, кино, музыке. Народные промыслы, изготовление балетных туфель — все это предпринимательство в сфере культуры. Мое глубочайшее убеждение: для того чтобы успешно работать в области культуры, нужно принимать и соблюдать все законы предпринимательства. Учитывая, что наша страна собирается вступить в ВТО, должно решить много задач. Это — помощь в законотворчестве, привлечение внимания журналистов, помощь в нахождении партнеров, которые сумеют поддержать какие-то уходящие виды народного творчества, возродить прерванные традиции. Планов у нас громадье, основная функция — создание специальных объединений между предпринимателями, ведь многие связи оказались разрушенными.

— А вот слово «этика» какое место здесь занимает?

— Подразумевается создание положительного образа делового человека, укрепление этических отношений. Запад в этом плане ушел далеко. Там достаточно пожать друг другу руку и контракт, считайте, подписан — уже никто никого не бросит и не подведет, все будет сделано в срок. У нас, к сожалению, подчас все происходит совершенно по-другому.

— Ваша тяга к общественной деятельности достойна уважения. Каково ее происхождение?

— Много лет я был высоким чиновником в Союзе композиторов СССР. Должность была, как у Воланда: главный консультант Секретариата правления СК СССР. Я был достаточно молод, имел педагогический опыт и попал в союз по рекомендации Пахмутовой и Саульского. Это было чудное время, я начал писать тогда много музыки, находился в водовороте событий.

— Действительно ли вам принадлежит идея создания комиссии по электронной музыке?

— Тогда электронная музыка только стала появляться. Я, как и все молодые музыканты, увлекся синтезато-

рами, интересовался их возможностями. И предложил Юрию Сергеевичу Саульскому создать новую комиссию, которая бы занялась компьютерной, электронной, акустической музыкой. Хренников одобрил, но оба сокрушались, что я по молодости лет и «не членства» в Союзе композиторов не могу ее возглавить. Для меня проблемы не было, я ответил: «Кандидата и искать не надо. Ведь есть Эдуард Артемьев — всеми признанный электронщик». Он с радостью согласился.

Была замечательная история, связанная с этой комиссией. 1989 год. В Московском союзе композиторов проводятся два фестиваля: «Московская осень» и «Московская весна». В рамках последнего я предложил провести концерт электронной музыки. Нашел спонсора (впервые!), который перечислил деньги. Решил исполнить свою песню «Круговорот». Кстати, на концерте 8 февраля она прозвучит в исполнении биг-бэнда «Мелодия» под управлением Георгия Гарабяна. Так вот. В сделанной записи в паузах кричал петух. Устроителям концерта я сказал, что живой петух мне крайне необходим. Приезжая на концерт в Зал Олимпийской деревни, а петуха нет. Начинаю нервничать. «Если петуха не будет, на сцену не выйду». Где он его взял — не знаю, но через 20 минут один из устроителей выкинул на сцену живого петуха. Обезумевшая от страха птица загадила все. Хрупкие танцовщицы, которые исполнили балет в электронной обработке из «Чио-Чио-сан», опасались, что поскользнутся. Петуха изловили и бросили в темную комнату. Во время своего выступления я посадил петуха на синтезатор, и он оказался очень музыкальным: тихо отсидел всю песню, а на последнем аккорде полетел. Как он почувствовал, что нужно полететь? Не знаю. Концерт закончился. Петуха, как мы думали, заберут устроители.

На следующий день включую телевизор, идет программа «Экспресс-камера», которую вел Макаренко. Ведущий берет интервью у замдиректора концертного зала «Олимпийская деревня»: «Вчера после концерта компьютерно-электронной музыки кто-то оставил петуха», — крупным планом показали нашу афишу, а затем перевели камеру на окно, где, вполне ошившись, по подоконнику ходил наш петух и клевал герань.

— Какой период жизни заведомо определили ваши профессиональные основы?

— В детстве — Капелла мальчиков — отличная закуска. Не удивляйтесь, многое дала служба в армии.

— Вы служили в Театре Армии?

— Нет, в ансамбле МВД, где мне, хоть и молодому, но дипломированному дирижеру, доверили и оркестр, и хор, и танцевальный коллектив. Главное было — точно держать ритм. Я был новичком, а танцевали «деды», можно было и «охлопотать». В ансамбле проходил практические университеты, научился делать аранжировки. Например, «Распосиди в стиле блюз» Гершвина. И еще проштудировал множество учебников. Так что армии я благодарен.

— На рассмотрение депутатов Московской городской думы внесен законопроект «О фонограмме». Часто ли используете фонограмму?

— Если вы видите эстрадный концерт, который пишется телевидением, будьте уверены — на 99 процентов это фонограмма. У нас очень боятся живого звука, потому что живой звук — это ответственность, умение, а специалисты по эфирному живому звуку слишком мало.

— То есть дело не в исполнителях?

— Нет. Если исполнитель будет знать, что ему придется петь вживую, а он не умеет, то просто не пойдет сниматься. Все знают свои возможности. В 1997 году у меня была теле-

визионная программа, которая выходила три раза в неделю, — конкурс молодых «Лестница в небо». Там вместо привычной фонограммы использовался живой оркестр. Это было так сложно, но и так здорово! Потому что нет ничего лучше, чем энергия живого звука. Фонограмма — это консервы, которые могут быть очень качественными, но все равно... хуже парного мяса, уж простите за сравнение! Но живой звук требует денег. Это на порядок дороже.

— А на Западе система похожа?

— Абсолютно. Сейчас грань «Россия и Запад» стерлась. У нас огромный поток информации и публики, ее впитывающей. На ее вкусы и ориентирован эфир. Думать о перспективе никто не желает. Кто будет через 5 — 7 лет в жюри какой-либо программы? «Тату», Витас? Хотя ничего плохого о них сказать не хочу. Как ни странно, в СССР существовала правильная политика, какой сейчас придерживаются США и Европа. Государство воспитывало кадры, заботилось о преемственности поколений. Теперь же у нас рухнули все авторитеты. Андрей Эшпай — последний из могилок. Кто знает сегодня композиторов среднего возраста? Кто-то назовет Десятникова, памятью скандалы вокруг «Детей Розенталя»? И все равно я не вижу Десятникова на экранах, не встречаю поток его интервью. В поспе такие фигуры есть, например — Игорь Крутой. Кому-то нравится, кому-то — нет. Но он — авторитет в своей области...

— Но ведь «Московская осень» из чего-то формируется?

— «Московская осень» — это самодельность Союза композиторов в самом высоком смысле этого слова. Я говорю не о том, что композиторов нет. Где раскрутка композиторов? Сергей Жуков, Екатерина Коженикова, Михаил Бронер, Ефрем Подгай — кто их знает? Предположим, мы завтра должны организовать мероприятие для самых широких масс, а для масс нужны звезды (или звезды), чтобы равняться. Те, чье слово было на вес золота, с чьим мнением бы считались. В академическом жанре я таких не знаю.

— И что же делать?

— Считаю, что должно разработать взвешенную, точную государственную политику в этом плане. Сейчас народ перекормлен плохим шоу-бизнесом. Невозможно, когда по лучшим федеральным каналам в прайм-тайм шпарт прикладную дискотечную музыку. В результате вся остальная музыка становится просто немодной. Она катастрофически теряет свое самостоятельное значение, становится эталон парикмахерской услуги. Каждый год музыкальные учреждения многих городов России выпускают специалистов. Все, как правило, стремятся в столицу, это понятно. Работы для музыкантов стало очень мало, особенно для тех, кто творит в академическом стиле. Хорошо, что государство стало поддерживать некоторые оркестры грантами. Но сегодня в Большом академическом концертном оркестре имени Юрия Силантьева, с которым я сотрудничал, музыканты получают по 3 тысячи рублей в месяц. И какой смысл оканчивать консерваторию, а до этого музыкалку, училище, сдавать уйму экзаменов, проходить аттестацию? Чтобы потом жить очень тяжелой жизнью? А они, музыканты, должны быть элитой, должны определять горизонты культуры в самом широком и самом непридуманном смысле слова! Мы так глубоко погрузились в шоу-бизнес, что вскоре забудем о музыкальной культуре, которой славилась Россия. Выровнять баланс в силах только государственная политика. Но где она, где, кто об этом заботится? Верю, что не все потеряно, хотя бы потому, что не стало новостью брызгой, и считаю, что нужно делать дело.

Беседу вел Элла ГЕНИНА